

15. Там же. – Л. 1.
16. Там же. – Л. 2.
17. Там же. – Л. 15.
18. Там же. – Л. 5.
19. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2.
20. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 11.
21. ГАЯО. – Ф.Р.-3456. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 5-6.
22. Там же. – Л. 10.

Г.В. Мурзо

«ПРАВО ОТВАЖИТЬСЯ НА ВСЕ»: ПИСЬМА К.Ф. НЕКРАСОВА К С.Л. ЩЕРБА

Письма к Софье Леонидовне Щерба, положенные в основу статьи, позволяют воссоздать хронику жизни Константина Федоровича Некрасова. Предметом исследовательского внимания является личность пишущего, воспринимаемая в контексте времени и сквозь призму общения с женой. Однако время не просто «фон» для героя, а целенаправленно создаваемая нами «фигура». Метонимия в этом случае есть прием для осмысления их взаимодействия.

G.V. Murzo

THE RIGHT TO HAVE COURAGE FOR EVERYTHING: K.F. NEKRASOV'S LETTERS TO S.L. SHCHERBA

S.L. Shcherba's letters, this article is based on, help to reconstruct K.F. Nekrasov's life chronicle. The subject of investigation is the writer's personality which is perceived in the context of time and in the light of communication with his wife. However, the time is not only a background for the character, it is a purposefully created figure. The metonymy in this case is a device for understanding their interactions.

Слова Гогена, взятые в качестве заголовка, помогают обозначить тенденцию, наметившуюся в жизни К.Ф. Некрасова: он, издатель и коммерсант, верный взятым на себя общественным обязанностям, не боялся порывов к новому, так свойственных и его веку, дела вершил увлеченно, а увлечения превращал в дело.

В 1913 году диапазон устремлений преуспевающего в делах Некрасова значительно расширился и существенно изменился по сравнению с уже рассмотренными 1910-1912 годами [1]. Однако именно в них нужно искать причины перемен.

Отношения с Софьей Леонидовной, внешне оставаясь стабильными, составляли периферию жизни Некрасова: именно их он приспособлял к другим меняющимся обстоятельствам, вынуждая женщину напоминать о себе, защищать свои интересы. Об этом говорит особое свойство письма, полученное Некрасовым еще в конце 1912 года.

В письме есть указание на то, что его предвзвешивают мучительные сомнения Софьи Леонидовны, которая решает покинуть Ярославль ради предложившего ей опеку другого мужчины. В сущности, не так уж и

важно, является ли он ее бывшим мужем и отцом ее ребенка: мужчину этого она не любит. В Ярославле, напротив, ее держат дружеские привязанности и любовь, но страшит собственное нездоровье, способное отразиться на воспитании дочери, материальном обустройстве жизни.

Такое примерное представление складывается о содержании послания на основе ответного письма Некрасова, огорченного и нежелающего верить в неизбежность ее шага. Вот дословно его реакция, весьма характерная:

«Вы слишком мрачно смотрите на вещи и, в частности, на Ваше здоровье. ... Подумайте, что Вы делаете. С одной стороны, Вас ожидает жизнь, ... о которой Вы сами думаете с ужасом. С другой – Ваши искренние друзья говорят Вам: "Оставайтесь с нами, с тем, кого Вы любите и к кому привыкли; не бойтесь Вашего нездоровья; если Вы прихворнете, мы позаботимся о Вас, и эта забота не будет нам в тягость, ибо мы любим Вас". Откиньте Вашу гордость, она хороша только с врагами, с друзьями она оскорбительна. ... Вы будете и сильной, и здоровой, только ре-

шитесь, прикажите себе. Если не можете, ... полечитесь внушением.

Андрей А. Голосов [известный в Ярославле врач, знакомый Некрасову по совместной деятельности в общественной организации «Молодая жизнь» – Г.М.] – порядочный доктор и человек, которому можно верить. Не смейтесь и не отказывайтесь, не испробовав. И как бы хорошо все могло устроиться. Через год Вы не узнали бы себя. Было бы и здоровье, было бы дело, о котором надо заботиться, было бы радостное сознание, что Вы живете своим трудом – радостное и гордое. Была бы при Вас Таня, и Вы знали бы, что растите не белоручку, а девушку, которая не потеряется в свете и сама сумеет заработать кусок хлеба ...

Сейчас выглянул в окно. Дождь крупный, ... и гроза. Хорошее предзнаменование. Весь вечер хандрил и чувствовал себя плохо. День едва высидел в редакции. Теперь чувствую себя бодро. Пусть эта бодрость передастся Вам» [2. Л. 19-19 об.].

Была ли в поведении Софьи Леонидовны попытка побудить любимого принять ответственное решение? Возможно (сам Некрасов однажды в сердцах придет к такому заключению), но утверждать не будем. Искренность и глубина ее переживаний не вызывает сомнений. В результате она осталась и приняла как свои планы Некрасова на будущее, хотя ответ Константина Федоровича не содержал прямых признаний и обещаний, а романтический конец письма не скрывал участливого менторства в его начале.

Ясно, что у Константина Федоровича и Софьи Леонидовны были разные стратегии поведения: он рекомендовал ей изменить ситуацию и обеспечить жизненный успех; она пыталась приспособиться к ней и обрести покой. Она говорила о чувствах – он не переключался с мыслей на чувства, предпочитал готовый совет, не особенно «вслушиваясь» в ее доводы. И все-таки рука друга была протянута, а Софья Леонидовна не только оперлась на нее, но и придала ей определенную крепость: основной из примет их общей жизни вскоре станет деловое партнерство, способствовавшее сближению душ и, в конце концов, обретению семьи.

Это партнерство в числе других перемен было обусловлено все возрастающим интересом Некрасова к искусству, в частности к

древнерусской иконе, и «антикварством». К этому, в свою очередь, вела череда событий, о которых мы считаем необходимым упомянуть, несколько расширяя тему «личных взаимоотношений», но не изменяя теме «личности», одухотворенной сознанием общественной пользы.

В самом конце 1911 – начале 1912 года в Петербурге состоялся Всероссийский съезд художников, затронувший, кроме профессиональных, широкий круг социально значимых вопросов. Однако съезд скорее подытожил ответы просвещенного сообщества на эти вопросы, поскольку побудило к ним другое событие, съезд предварявшее.

Первое собрание учредителей съезда состоялось еще в марте 1909 года [3. С. 143]. Выработанная программа была опубликована. Вот отдельные ее положения, запечатлевшие своеобразие момента, повлиявшие на культурную жизнь столицы и провинции, отразившие прагматику конкретных начинаний, к которым имел отношение и Некрасов:

«Вопросы искусства привлекают в настоящее время все более», что говорит «о внутренней работе великого народа, создавшего еще на заре своей жизни своеобразное зодчество, иконопись, овеванные поэзией былины и сказания». «Сильная страна не порывает со своим прошлым, но прошлое это еще недостаточно изучено, а художественные памятники его пропадают с каждым днем. Обязанность тех, кто глядит вперед ... сберечь русское народное художественное достояние».

Этому способствовало бы личное соприкосновение с «богатствами, разбросанными по всему лицу родной земли», путем поездок по различным местностям России, особо замечательным по красоте природы или изобилующим памятниками художественной старины. «Богатство впечатлений в этом отношении может дать наш север, столь мало нам знакомый ... и наше великорусское ядро...».

Воспитанию вкуса к русской художественной старине особенно помогло бы «знакомство с собраниями, созданными трудами отдельных лиц, общественных учреждений в разных местностях России ...», «издание, ей посвященное, а также отдельное издание снимков с художественных предметов древности, рисунков и чертежей, сопровождаемых текстом, для целей прикладных». «Элементы

художественного образования необходимы для полноты развития личности» [4. С. 4-5,6].

В «Вестнике съезда», начавшем выходить с 1910 года, печатались работы по древнерусскому искусству, а в 1911 году увидела свет монография В.Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» – фундаментальная, роскошно иллюстрированная книга [5]. Усилились старания собирателей древностей, и обзор частных коллекций стал доступен специалистам. Таким специалистом был москвич П.П. Муравьев.

В связи с растущим интересом к русской старине вместе с северными монастырями обрели огромную притягательную силу города-сокровищницы древнерусского искусства: Новгород, Владимир, Суздаль, Городец на Волге.

Среди паломников к художественным святыням был И.Э. Грабарь, начавший подготовку многотомной «Истории русского искусства» и серии иллюстрированных монографий о старых русских городах [15; 6. С. 279, 293]. Позже по его следам пройдет П.П. Муратов, приглашенный Грабарем в качестве автора «древнего отдела» «Истории».

Тогда же произошло знакомство Муратова с Некрасовым, был заключен и блестяще реализован их творческий союз [7]. В конце 1911 – начале 1912 года П.П. Муратов был в Италии, где готовил следующий том сделавших его чрезвычайно популярным «Образов Италии». Это обстоятельство помешало ему, исследователю и художественному критику, в те поры работнику отдела древностей Румянцевского музея в Москве, стать участником съезда. Был ли Некрасов, как издатель, причастен к съезду, собравшему многочисленную и разноликую аудиторию, поразившему собравшихся выставками икон из частных коллекций, неизвестно: в письмах к С.Л. Щерба, как, впрочем, и в других доступных нам корреспонденциях, об этом не упоминается.

Но доподлинно известно, что пропаганда русского искусства и народного творчества на страницах некрасовского «Голоса» осуществлялась с момента возникновения газеты в 1909 году. А выходившие в качестве приложения к ней «Ярославские зарницы» с самого начала (1910 г.) были ориентированы на культуру родного края, изучение его истории и воспринимались как органичная форма популяризации краеведческих разысканий, опи-

рающихся на сложившуюся в Ярославле традицию, накопленный и достойный признания опыт ученых, членов Губернской архивной комиссии, преподавателей Демидовского лицея, образованных энтузиастов.

Летом 1912 года Некрасов сообщил Муратову в Италию о желании создать в Ярославле галерею или музей древнего и нового искусства.

Не только Некрасов – город в целом откликнулся на культурный призыв. «Голос» сообщил об открытии в Ярославле Археологического института, который должен был стать одновременно учебным заведением и научным учреждением, где слушатели под руководством преподавателей могли бы вести полезные для края исследования. Последнее особенно важно, так как Ярославская губерния и прилегающие районы были богаты памятниками культуры (храмы, курганы, городища): они были важны для России, требовали изучения и попечения обществом [8].

Упомянутые события образовывали семантический ряд, очередным элементом которого стало учреждение ярославского отдела «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». Общество это было организовано еще в 1909 году в Петербурге «группой выдающихся художественных и общественных деятелей во главе с А.Ф. Кони, А.Н. Бенуа, С.К. Маковским, Н.А. Хомяковым, бар. Н.Н. Врангелем, Н.К. Рерихом, гр. Ф.Ф. Сумароковым-Эльстон, А.В. Щусевым и другими учредителями Ярославского отдела (теперь это было внесено в соответствующий реестр название) стали А.А. Никифоров, К.Ф. Некрасов, Н.Е. Иваньшин, Н.И. Оловянишников и самоотверженный в изучении родного края И.А. Тихомиров.

Сообщая об этом в «Голосе», Некрасов упоминал в качестве примера о многочисленных акциях петербуржцев, способствовавших сохранению исторического достояния и художественных ценностей (дворцов, садов, монастырей с их иконами и фресками, городских архитектурных сооружений) в разных губерниях России. Особо подчеркивалась их просветительская деятельность (выставки, лекции по вопросам искусства и пр.). Более подробному описанию работы «этого в высшей степени симпатичного общества» автор обещал посвятить специальную статью, завершая ин-

формацию приветствием начинающему свою жизнь местному отделу и пожеланием «успешно бороться с уничтожением ярославских памятников искусства и старины, принявшим за последнее время угрожающий характер, а также с равнодушием ярославцев к этому печальному явлению» [9. С. 4].

Завершающий аккорд и его критическая нота особенно важны в исполнении неравнодушного к окружающему Некрасова. В это время он приступил к подготовке крупноформатного иллюстрированного художественного издания «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле» (планировал издание «Церкви Ильи Пророка в Ярославле») и о состоянии уникальных храмов знал не понаслышке.

Вновь образованное общество начало действовать, и на исходе декабря 1912 года в «Голосе» появилась заметка о защите Знаменской башни от трамвая [10. С. 3]. А через несколько дней на заседании Совета Ярославского отдела общества обсуждалось состояние церкви Ильи Пророка. Председательствовал на собрании кн. И.А. Куракин, докладывал член Архивной комиссии А.А. Никифоров.

Доклад был вызван появившейся в столичном «Новом времени» заметкой за подписью Энгельгардта. Как и Некрасов, он отмечал небрежное отношение горожан к памятникам старины. На эту публикацию обратил внимание Совет Петербургского общества, который и запросил у ярославцев отчет о состоянии церкви. Докладчик представил присутствующим подробный перечень реставрационных работ, отметив, что ведутся они с необходимой тщательностью и не наносят вреда древним украшениям храма.

Увидев в публикации Энгельгардта политическую акцию накануне думских выборов и обвинив автора в недостаточной осведомленности («воспользовался компетенцией церковных сторожей»), собрание закрыло вопрос. Ближайшей своей задачей Совет ярославского отдела сделал открытие в Ярославле городской художественной галереи, почему и обращался в Городскую думу с ходатайством о помещении для хранения картин и скульптуры, уже обещанных Академией художеств, обществом им. А.И. Куинджи, другими организациями и конкретными лицами. Говорили о просветительском значении галереи для города и избрали особую комиссию

для выработки основных положений ее существования.

Имя Некрасова нигде не упоминалось, и о новых результатах деятельности общества он больше не писал. Допускаем, что Некрасов был солидарен с Энгельгардтом, а возможно, причиной тому были собственные планы: еще летом Некрасов решил действовать самостоятельно, имея в виду основать музей частный, о чем, напомним, и писал П.П. Муратову. Тот в ответном письме из Италии обещал всяческую поддержку и помощь в покупке икон и картин [11. С. 189]. Когда же в конце 1912 года Муратов вернулся в Москву, обещанное выполнял с большой личной заинтересованностью, используя свои обширные познания, побуждая к содействию московских друзей, в круг которых незамедлительно ввел и Некрасова.

Собирание, реставрацию и популяризацию древнерусского искусства Муратов считал большим национальным делом. К нему следует причислить выставку икон, организованную Московским археологическим институтом и открывшуюся в феврале 1913 года. Основу выставки составили богатейшие коллекции москвичей С.П. Рябушинского [16] и И.С. Остроухова [17]. Муратов активно участвовал в ее подготовке и в письмах к Некрасову, наряду с издательскими делами, их связывавшими, неизменно обсуждал «иконные новости»: замечания по поводу принятых на выставку экспонатов; возможности покупки икон для Некрасова, их качество, вид, цену; предпочтения общих знакомых; собственные удачи и просчеты в приобретении [11. С. 198-211 и др.].

Выставка, великолепная, но доступная глубокому восприятию немногих, произвела переворот в умах знатоков, и собирательство икон быстро распространялось [18]. Для одних став делом прибыльным, от других оно требовало немалых денежных затрат. Это вдохновило Некрасова на поиски иных ценностей – антиквариата, который после продажи обеспечил бы желаемый доход, а среди прочих благ – свободу в выборе произведений искусства для галереи. «Хозяйкой» его московской «Лавки древностей» должна была стать Софья Леонидовна.

В моде, а значит «в спросе», был Восток, и Некрасов планировал поездку на Кавказ, однако колебался в ее осуществлении, а в апреле, поощряемый Муратовым, под впечат-

лением его рассказов, отправился в Псков и Новгород. Поиск надежных источников старых икон, соображения выгоды не лишали его стремления и способности душой припасть к прекрасному, пережить высокие чувства, о чем свидетельствует письмо к Софье Леонидовне из Новгорода.

Софья Леонидовна в те дни выхаживала заболевшую скарлатиной дочь Таню. Здоровье девочки очень тревожило Некрасова, он слал в Ярославль депеши и ждал ответных. Посредником выступал П.А. Критский, секретарь редакции «Голоса» и приятель Некрасова. Успокоенный вестями, Константин Федорович сообщал Софье Леонидовне о себе, и эти строки показывают нам нового Некрасова, отрешенного от дел, духовно сосредоточенного, умиротворенного красотой, празднично просветленного – скорее странника, чем путешественника. Необычайно ранняя весна и Пасха усиливали его возвышенное настроение:

«Здесь брожу целые дни. Погода дивная; страстная – вон церковь открыта. Знаете, полюбив иконы, я теперь впервые после многих лет стал опять понимать эту веру простых людей. Как это трогательно, и как легко жить с такой верой. Я брожу с богомолками, с крестьянками из церкви в церковь, любуюсь благоговейно старыми иконами, чувствую себя легко и хорошо. Как барина меня пропускают вперед, но относятся ко мне просто, как к богомольцу, а не как к любопытному. Хотелось бы и Пасхальную светлую ночь бродить так из церкви в церковь

Сколько прекрасного я видел здесь, усталый, и все-таки хотелось видеть еще и еще. И природа здесь хороша весной. Кругом всего Новгорода вода - или река, или целое море воды. Сегодня ездил в Спас-Нередицу, версты 3 в лодочке по разливу, и везде, куда ни взглянешь, церкви и монастыри. И сюда ехал на пароходе по Волхову; глаз не оторвешь; Волхов разлился на 10 верст. ... Все сидел и любовался» [12. Л.3-3 об.].

В мае снова, как и когда-то прежде, были торопливые записки, «уведомлявшие»: «приду», «не приду», «удираю», «вернусь из Москвы», «надо собрать правление» [Некрасов председательствовал в обществе «Молодая жизнь» – Г.М.], «будьте добры, пошлите повестки», «спасибо за цветы», – пока отъезд Софьи Леонидовны и Тани для поправки здо-

ровья за границу не побудил Некрасова к длинным летним письмам, в которых им хотелось видеть описание не только его дел, но и «безделья», и «внутренней жизни».

Он оказался не слишком словоохотливым:

«Дела у меня обычного свойства ... и писать о них скучно. Безделье же заключается в том, что навещают меня добрые знакомые, и тогда я устраиваю себе праздник, то есть хожу в редакцию на полчаса. Пробыл у меня два дня Муратов, что стало ... истинным удовольствием. Затем приехал Сухотин

Сегодня получил от Муратова письмо. Книга об И. Предтече встречена в Москве хорошо. Остроухов в восторге и согласен на издание собрания его икон. Значит и второй номер художественного отдела готов [одно из направлений, или отделов “Книгоиздательства К.Ф. Некрасова” – Г.М.]. В уме у меня и 3-й, и 4-й номера. Это русское шитье 14, 15, 16 веков и Главки Благовещенского собора в Москве

Что сказать Вам о моей внутренней жизни, не знаю. Как-то слишком много дел и забот, чтобы думать об этом. Так, верно, и пробежит вся жизнь ... в каких-то стремлениях» [12. Л. 4-4 об.].

Некоторая отрешенность в конце и думы о бренности существования объяснялись не только усталостью: тревожный взгляд был прикован к Карабихе, где тяжело болел отец. Дни его, по сути, были сочтены.

Книгоиздательское же дело Некрасова крепло, питаемое лучшими писательскими силами, и, как растущий организм, нуждалось в хозяйском внимании и новых материальных вложениях. К тому же Муратов инициировал издание журнала литературы и искусства, которому выбрал впечатляющее имя – «София». Ассоциируясь с философскими поисками времени, здесь оно указывало на основной предмет интереса – икону. Московско-ярославский журнал даже в виде идеи противопоставлялся петербургской «Русской иконе», которую планировали издавать С.К. Маковский, П.И. Нерадовский, Н.Н. Пунин [19].

Увлечшись, Муратов готов был отказаться от работы в музее, от задуманного путешествия на Восток и взяться за редакторство «с азартом». Его поддерживали П.С. Сухотин, Н.М. Щекотов [20], И.С. Остроухов.

Некрасов, принимая в расчет конкурентов, осторожничал и, вынужденный контро-

лизовать собственные финансы, просил подождать год. Муратов, поначалу согласившийся, настаивал: «...отказываться нечего. Журнал Маковского ни капли не помешает. Это будет инвентарь богатых собраний. И кроме того, журнал специальный. А наш не должен быть несколько специальным. Цель: в глубочайшем смысле слова эстетическое воспитание на том, что ближе всего, конечно, – русская икона, повесть, но и не только на этом, а и на том, что можно выбрать, перевести с Запада» [11. С. 222].

Замысел Муратова очень импонировал Некрасову (Муратов успел стать его другом и доверенным лицом), и он согласился. К текущим делам прибавились постоянные думы о журнале. Зато значительно меньше занимала Некрасова политика, которой он еще недавно был столь привержен.

Предположение подтверждает письмо к Софье Леонидовне. Череду отправленных за границу посланий Некрасов начинал с ее и Таниного здоровья – был по-домашнему откровенен, вдавался в детали, часто завершал вереницу дотошных вопросов «моралью»; переходил к насущному – «антикварству», связанным с ним поискам квартиры для Софьи Леонидовны в Москве, о беспокоившем его провале Тани при поступлении в институт; естественно, добавлял несколько слов о «внутренней жизни», умалчивая пока о «Софии»:

«Вы мало пишете о своем здоровье и Тани. Как у Вас почки, есть ли белок? Что у Вас за кашель, и прошел ли он? Если Вам понадобятся деньги, напишите...»;

«Право, если вы обе не поправитесь, это будет ужасно, и я буду сердиться, хотя, может быть, это и дико. Живите дольше, если этого требуют врачи. О деньгах, конечно, нечего заботиться...»;

«Заезжал к Спасскому в Переславль. Он нашел нам 4 чашечки Императорского завода Елизаветинского времени; все прелестны, а 2 годятся в любой музей»;

«Кое-что покупаю и сам, но с выдержкой Охочусь больше за иконами»;

«В общем, приходит время серьезно подумать о наших антикварных замыслах. Не буду скрывать, у меня есть, конечно, сомнения; но ведь если бы их не было – это означало бы только глупейшую самонадеянность»;

«Вчера вечером хотел написать Вам, но просидел у Дружинина; был Шаховской,

Урусов [21] и еще кто-то. Беседовали о выборах, которые назначены на этих днях, и об окончательных в Думу осенью. Много интересного рассказывал Урусов о Думе. Но, в общем, я отвык от политики, и она меня не захватывает»;

«Погода у нас стоит жаркая и дождливая; по вечерам у меня в садике хорошо. Езжу я только в Карабаху, ухаживать не за кем, и потому за поведение мне можно поставить 5».

В последнем замечании проявлялось интимное внимание к Софье Леонидовне; дружественное внимание к Тани заключалось в том, что он делал добавления для нее, написал ей особо, повторяя, впрочем, сказанное «маме» и не вдаваясь в «дела». Деловая же составляющая писем к Софье Леонидовне как раз увеличивалась, тесня остальные. Так Некрасов исподволь вводил ее в курс поисков востребованных редкостей, давая оценку деятельности своего эмиссара:

«Спасский не пишет ничего; верно, дела идут плохо ..., но меня это не смущает; письменную проработку ему я уже сделал. Он отличается безалаберностью и способностью увлекаться мелочами. Но он хорошо разбирается в эпохах и стилях и понимает в искусстве. Он будет очень полезным помощником. У Вас по времени окажутся «адреса» в Москве и в провинции, для него будет развлечением и заработком ездить по этим адресам и покупать вещи. Но пробирать его и Вам придется».

Она, вникая, откликалась, начинала иначе смотреть даже на свое временное окружение, пыталась установить полезные контакты. При этом «внутренняя жизнь» Некрасова, оставшаяся в значительной степени заповедной, интересовала ее все-таки больше:

«Сам я из Ярославля уеду, вероятно, в августе. ... Собираюсь на Балканы; очень манят меня Салоники, столица Македонии. Но война, кажется, никогда не кончится, и меня страшат, что я где-нибудь застряну на пути. Если нельзя будет попасть в Салоники, двинусь, вероятно, на Кавказ. Вообще я теперь погружен в Византию; это удивительное царство.

Кстати, если эта дама [владелица книжного магазина, новая знакомая Софьи Леонидовны, заинтересованная в сотрудничестве с его издательством – Г.М.] армянка, нет ли у нее в нашей Армении или турецкой, или персидской знакомых, которые помогли бы мне в моем путешествии Цель моей поездки –

это осмотр древних памятников Армении; попутно покупательские намерения в той же области: иконы, шитье церковное, персидские, арабские, византийские и пр. миниатюры, точный фаянс и майолика...» [12. Л. 6-9 об.].

Некрасов действительно предпринял это путешествие в самом конце августа, уже после смерти отца. Тогда же, получив изрядное наследство, начал интенсивные хлопоты о «Софии». Софье Леонидовне, вернувшейся в Москву и занявшейся «Лавкой», писал с дороги и из пунктов пребывания, перепоручая множество мелких, но обязательных дел:

«...Сейчас 7 час. утра, мы сидим на станции Минеральные Воды – дожидаемся поезда [предполагаем, что Некрасов путешествовал с братом Александром – Г.М.]. В Москве был так занят, что не мог оставить Вам и строчки. К счастью, успел ... закупить бумагу для «Софии». В магазине нашем не был. Брянцева [один из опытных работников Некрасова – Г.М.] просил зайти к Вам и показать, как вести книги. ... Когда устроитесь мало-мальски, надо взять права на магазин, продумать, получить разрешение и заказать вывеску. Пусть будет то название, о котором мы говорили ...» [13. Л. 10-10 об.].

Потом следовали подробные указания о материале, величине и цвете «доски», на которой бы значилось «покупка и продажа» и прочее, что пишут антиквары; перечень вещей для выставки в витринах и восклицания, сочувственные и подбадривающие одновременно. Рассказ о начале пути перебивался новой «подсказкой» – Константин Федорович «сводил» Софью Леонидовну не только с нужными, но и с хорошими людьми, которым она в свою очередь могла быть полезна:

«Наше путешествие идет пока сносно. Сегодня будем во Владикавказе. Завтра двинемся в Тифлис, откуда хотелось бы на границу Персии А дальше идут фантазии В Тифлисе жду от Вас письмо, пойду на почту. Да, еще я забыл написать Вам: в Москве я был у Лидии Владимировны Лепешкиной [22] (Ваганьковский пер., д. Куманина, во двор); я говорил ей о Вас. Зайдите к ней; она во многом, я думаю, будет Вам полезна; у нее пара ребятшек, Сережа и Лидочка, мои приятели; сама она прекрасная многострадальная женщина; судьба к ней очень немилостива, но я рассказывал вам об этом. Кажется все, и скоро 2-й звонок нашему поезду...» [13. Л. 11].

Наставления сменялись наблюдениями за окружающим, а те отчетом о приобретениях. Рачительный хозяин и добытчик проявлялся в них даже более отчетливо, чем созерцатель, а повествование о собственном быте напоминало давние письма из Крыма [1]:

«Живу здесь [в Тифлисе – Г.М.] живо, встаю в 7 час., ложусь в 12, ем макароны, рис, арбузы. С виду значительно изменился: лицо – главное, нос и щеки – усеяны бурыми пятнами; это от здешнего жгучего солнца сходит с лица обожженная кожа; луплюсь, как ящерица. Обожгло меня больше всего, когда мы ехали горами в разряженном воздухе На многих станциях я ругался как сапожник, требуя лошадей, посылая депеши начальству ..., зато доехали в 2 дня, а люди ездят, как говорят, и по 4. ... Осматривать здесь почти нечего. Церкви, армянские и грузинские, в которых я был, жалки до невероятия Икон мало, большинство новых, старые записаны варварски. ...

По антикварной части здесь немало Купил персидские миниатюры, некоторые из них изумительны; затем персидскую медь чеканной работы; сталь арабскую с золотой и серебряной насечкой ..., наконец, греческие монеты ..., еще ткани – есть и здесь кое-что интересное. Заплатил я, правда, дорого, но за все могу ручаться; подделок нет К сожалению, античной бронзы, терракоты и византийских эмалей не нашел; однако искать их здесь далеко не так наивно, как я было думал» [13. Л. 12-13].

Приписывал несколько слов о дальнейших планах, менявшихся, из-за опасности нападения курдов, по совету персидского консула, соответственно, и о своем местонахождении. Да, он ждал из Москвы писем, которые подтвердили бы благополучие Софьи Леонидовны, ее деловую состоятельность. Конечно, Некрасов хотел знать, как она устроилась на новом месте, здорова ли Таня; кстати, не забыл поинтересоваться, были ли они у Л.В. Лепешкиной.

Софья Леонидовна отвечала. Границы их общего мира постепенно меняли очертания по воле Некрасова, а жизненный фундамент цементировался ее усилиями: быть восприимчивой к переживаниям мужчины, которого она считала мужем, стремлением соответствовать его запросам, оставаться приятной и в меру деликатной, пытаюсь проникнуть

в его внутреннюю жизнь, стать ее необходимой частью; проявлением пристрастия в делах, еще пугающих новизной и ответственностью за возможные ошибки.

В октябре, когда Некрасов вернулся из путешествия, издательство, газета, типография, особенно же «София» удерживали его в Ярославле, и письма в Москву летели одно за другим, часто с разрывом в день. Он вновь сочувствовал, подбадривал, настаивал, советовал, предупреждал – в общем, руководил Софьей Леонидовной, но оставлял ей свободу в принятии окончательного решения и право на ошибку:

«...Думаю, что Вам должно быть очень тяжело. Но эта тяжесть зависит в значительной степени от Вашего характера. Главное – не бойтесь, действуйте смелее. Что за беда, если Вы промахнетесь и раз, и 2, и 10, и 20; даю слово, что меня это ни капли не огорчит. Ведь то же было и со мной» [13. Л.11];

«Не расстраивайтесь, что Вы что-то продали дешево. Ведь в этом есть хорошая сторона; покупателю льстит, что он купил дешево, это оставляет в нем хорошее впечатление; он хвастается покупкой – и это, конечно, полезно магазину. Словом, ошибайтесь сколько угодно; ... придет время – научитесь» [13. Л. 12об.].

Неудачи должны были компенсироваться удачами, и Некрасов обнаруживал деловую сметку, а вместе установку на работу с искушенным покупателем:

«Если Вы еще не открыли магазин формально, я на Вашем месте потянул бы еще; пусть ходят любители; за антикварами и толпой гнаться не стоит [13. Л.11-11об.].

Осведомленные вели переговоры о продаже с Некрасовым прямо или через посредников [на вывеске магазина его фамилия не значилась – Г.М.]. И тут маленьким хитростям продавца противостояла принципиальность коллекционера:

«...Я получил письмо, – сообщал Некрасов Софье Леонидовне, – от Екатерины Викуловны Горбуновой [по имеющимся у него сведениям, это была «очень богатая и очень взбалмошная женщина» – Г.М.] с просьбой продать ей 2 фигурки, которые остались у меня, и маленького архангела. Еще она просит моюшуюся женщину Гарднера. Я ... сообщил, что [фигурка] амура – злостная подделка, продавать которую мы не считаем

возможным; что Архангел – прекрасная копия с икон 15 века, которую я могу ей уступить за 30 рублей, а что фигуру Гарднера она может купить у Вас» [14. Л. 1-1 об.].

Сам Некрасов покупал, как уже отмечалось, «с оглядкой», осмысливая спрос и предложение, делая подсказки своей компаньонке и выжидая, что «пойдет» у Софьи Леонидовны и какими окажутся цены. Скоро понял: найти в самом Ярославле можно много, но нужно «попридержаться», так как масштабные закупки создают «затор в деньгах». Отправляя купленное (часто после предпринятой реставрации, или «отделки») в Москву, проявлял в письме нетерпение и крайнюю степень заинтересованности в информации о ходе продаж: «Пишите, пишите, а я приеду к Вам опять недели через три». Однако приехать не всегда удавалось, и общение интенсифицировали ставшие доступными междугородние телефонные звонки:

«Милая Софья Леонидовна, я мало понял ..., плохо слышно, но понял главное, что Вы продали Н.П. Рябушинскому на 3 с половиной тысячи. Очень рад за хорошее начало. Особенно приятно, что Вам теперь будет легче и спокойнее сидеть в Москве, ведь окуплены расходы на много времени вперед (по магазину), и Вы можете не горевать, что покупателей нет и деньги текут бесплодно. Рад и за себя, ибо это подбадривает мою антикварную энергию. ... Если дело пойдет, я выживу из Ярославля всех приезжих антикваров и буду здесь вне конкуренции. Я не побоюсь развернуть дело очень широко Мы перейдем к вещам только лучшим и дорогим и произведениям чистого искусства» [13. Л. 12 об.].

Конечно, он пекся о задуманном музее, отбирая для него иконы и картины (при «Софии» создавался фонд икон и планировались художественные выставки, подобные проводимым журналами «Мир искусства» и «Аполлон»), мелкую скульптуру, резную крестьянскую утварь и предметы быта, внимание к которым, как и к мебели, привлекли «мирискусники», высоко подняв планку требовательного вкуса, свойственного избранным:

«Мне кажется, – рассуждал Некрасов, в очередной раз обращаясь к Софье Леонидовне, – главная задача теперь в том, чтобы собрать хорошие адреса любителей; среди них важно бы заполучить г. Морозова, того, у которого лучшая коллекция фарфоровых фигур

(его антиквар хотел купить у Некрасова 3 фигурки – Г.М.)...

Для г. Шлезингера у меня имеется комната карельской березы: огромный прекрасный диван, 6 кресел, стол преддиванный и мал[енький] наборный столик, называемый «бобок». ... За все это я могу взять самое меньшее 1300 рублей. Эпоха ... 90-е годы 18 века – 10-е годы 19 века. Более точно определять не берусь» [13. Л. 12].

Последнее октябрьское письмо 1913 года по-прежнему полно оптимизма, и обычный сочувствующий оборот («Я здесь думаю о Вас каждый день: право, это безбожно с моей стороны засадить Вас в эту “Лавку Древностей” и бросить на произвол судьбы») не создавал диссонанса. Похоже, что «произвол судьбы» все больше увлекал его навстречу Софье Леонидовне, в мир общих планов и грез, не нарушаемый ее временными сомнениями и страхами. На следующий день он сделал развернутую приписку к казалось бы завершеному посланию:

«...Я встал бодрый и много работал. Ждал Ваше письмо, но получил его только вечером, идучи в театр. Читал в театре, поэтому просмотрел все первое действие. Из театра я пошел ужинать, а теперь, придя домой, хочу немного поболтать с Вами».

«Болтая», он спрашивал ее о скором приезде к нему в Ярославль, планировал встречу с общими знакомыми, наслышанными об их новом деле и первых успехах, тут же

отказывался от встречи, полагая, что Софья Леонидовна устанет от дороги, просил в Москве не изнурять себя, беречь силы, при этом советовал в свободное время не пренебрегать музеями и возможностью «вглядеться» в полотна старых мастеров.

Непоследовательность выдавала сильное возбуждение, разрешившееся редким для сдержанного Некрасова восторженным заверением: «”Лавка” и журнал позволят нам объединить все, что есть талантливого в современном искусстве России и частью Запада. Ведь для этого стоит жить и работать!» [13. Л. 13].

Константин Федорович сам понимал, что увлекся, но доверчиво просил не бранить его: «Право, если хоть часть моих мечтаний претворится в жизнь – это будет хорошо. И только с Вашей помощью могу я это сделать...».

Он, торивший свой жизненный путь, отваживался на удачи и неудачи, поощряемый друзьями, позволял себе возноситься в мечтах – «отрезвленный» реальностью, не искал оправдания, брал на себя ответственность за следующий шаг и шел дальше. И, без сомнения, он любил Софью Леонидовну за то, что она, пытаясь иногда охладить его пыл, не отрекалась от рискованного дела. Для этого тоже нужна была отвага – верить своему избраннику, приспособливаясь к ситуации, которую он менял в поисках успеха.

Библиографический список

1. Мурзо, Г.В. Не только частная жизнь: письма К.Ф. Некрасова к С.Л. Щерба [Текст] / Г.В. Мурзо // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – №3 (56). – С. 176–188.
2. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 328.
3. Стернин, Г.Ю. Художественная жизнь России 1900-1910-х годов [Текст] / Г.Ю. Стернин. – М.: Искусство, 1988. – 285 с.
4. Вестник Всероссийского съезда художников [Текст]. – 1911-1912. – № 1. – 38 с.
5. Георгиевский, В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря [Текст] / В.Т. Георгиевский. – СПб., 1911.
6. Грабарь, И. Письма 1891-1917 [Текст] / И. Грабарь. – М.: Наука, 1971. – 468 с.
7. Мурзо, Г.В. Издательские инициативы П.П. Муратова [Текст] / Г.В. Мурзо // Столицы и столичность в истории русской культуры: научный сборник. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – С. 165-171.
8. Об Археологическом институте в Ярославле [Текст] // Голос. – 1912. – № 181. – 5(18) авг.
9. Некрасов, К. Новое слово [Текст] / К. Некрасов // Голос. – 1912. – № 186. – 12(25) авг.
10. Защита Знаменской башни от трамвая [Текст] // Голос. – 1912. – № 288. – 11(24) дек.
11. Из истории сотрудничества П.П. Муратова с издательством К.Ф. Некрасова [Текст] / вступит. ст., публ. и ком. И.В. Вагановой // Лица: Биографический альманах. 3. – М.; СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. – С. 155-265.
12. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 329.
13. ГАЯО. – Ф. 952. – О. 1. – Д. 330.
14. Мурзо, Г.В. Журнал «София»: между двух столиц [Текст] / Г.В. Мурзо // Ярославский педагогический вестник. – 2006. – № 2 (47). – С. 94-98.

Примечания

15. Эти города – Углич и Ростов Великий, Ярославль и Романово-Борисоглебск, а также Кострома. Текст, подготовленный Б.Н. фон Эдингом, помощником хранителя Румянцевского музея, знатоком древнерусской архитектуры, должен был сопровождаться множеством фотографий икон, фресок, архитектурных деталей. Для книг планировались цветные обложки с гравюрами А.П. Остроумовой-Лебедевой.
16. Сергей Павлович Рябушинский – коллекционер древнерусской живописи, почетный член Московского археологического института; первым применил полную и последовательную расчистку икон XIV-XVI вв.
17. Илья Семенович Остроухов – художник (известен как автор знаменитой картины «Сиверко»), крупный коллекционер живописи, в том числе и редких икон. Некрасовым в 1914 году будет издана написанная Муратовым книга «Древнерусская иконопись в собрании И.С. Остроухова».
18. Муратов, способный оценить конъюнктуру, писал Некрасову: «... пройдет года 2-3, и правда, как выражаются иконники, “все приберется к рукам”. Будем, разумеется, действовать и мы» [11. С. 198].
19. Петр Иванович Нерадовский – художник, искусствовед, работник музея Александра III (сейчас Русский музей), председатель «Общества изучения русской иконописи», при котором должна была выходить «Русская икона»; Сергей Константинович Маковский – поэт, художественный критик, редактор известного журнала «Аполлон» и вновь учрежденной «Русской иконы»; Николай Николаевич Пунин – популярный петербургский критик и исследователь искусства, секретарь вышеназванного общества и член редколлегии нового журнала.
20. Павел Сергеевич Сухотин – прозаик, драматург, поэт, изучал древнерусские повести; Николай Михайлович Щекотов – исследователь древнерусского шитья, до начала 1913 года работал в библиотеке Московского университета, позже был одним из хранителей Румянцевского музея; оба активно сотрудничали с Некрасовым.
21. Все трое из Думских деятелей, известны в Ярославле своей политической активностью; Николай Петрович Дружинин еще и соиздатель «Голоса», его первый редактор.
22. Л.В. Лепешкина в 1911-1914 была секретарем издательства К.Ф. Некрасова [11. С. 205].